

МУХАДЖИРСТВО¹ ГОРЦЕВ КАВКАЗА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ В XIX В.*

Автор в статье исследует особенности процесса переселения адыгейских племен Северного Кавказа на территорию Османской Порты под влиянием российско-турецкого политического противоборства. В статье также рассмотрены проблемы, связанные с позициями России, Турции и западных стран в отношении судьбы черкесского населения, вовлеченного в политическое противостояние на северокавказском плацдарме.

Автором самостоятельно доказано, что исторический опыт дипломатического взаимодействия с Турцией позволял не только освободить территорию Северного Кавказа от враждебных самодержавной политике горских племен, но и добиться приоритета в решении Восточного вопроса перед западными странами, ведущими борьбу за создание и поддержание многолетнего этнического конфликта у южных границ Российской империи.

Ключевые слова: мухаджирство, приоритет в решении Восточного вопроса, северокавказский плацдарм, черкесское население, горские племена, российско-турецкое противоборство.

Причины и характер возникновения и формирования тех или иных путей и способов расширения российских территорий за счет регионов Кавказа и Средней Азии в немалой степени зависели от постепенного увеличения в рамках государственной национальной политики доли колониальных предприятий.

Внимание противоборствующих держав к Северному Кавказу обуславливалось их военно-стратегическими, политическими и экономическими интересами. Поэтому в международных отношениях и политике держав на Ближнем Востоке и в районе Черного моря черкесский вопрос как составная часть кавказской проблемы занял самостоятельное место, хотя в силу ряда исторически сложившихся специфических условий той эпохи, он не стоял формально в повестке дня “большой” дипломатии. Интерес к нему по-прежнему велик среди современных историков. До сих пор, например, в нем особый интерес привлекает проблема мухаджирства [1].

В первую очередь черкесский вопрос затрагивал интересы России как черноморской державы. Политика русского правительства определялась стремлением укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе и не допустить превращения этого района в антирусский плацдарм, откуда могла бы исходить военная угроза Кавказу и югу России. Однако методы, которыми русский царизм пытался отстоять свои позиции в Черкесии, были военно-феодальными, колониальными, что и вызвало освободительное движение горцев.

Присоединение Кавказа к России шло вразрез с захватническими устремлениями Османской Порты и западных держав – Англии и Франции. Под флагом “защиты” кавказских горцев и создания “независимой” Черкесии турецкая и западная дипломатия, особенно английская, маскировали экспансионистс-

* © Платицына Т.В.

кую политику своих правительств, стремясь обмануть общественное мнение. Известный русский историк-кавказовед А.П. Берже отмечал: «Во всяком случае, нельзя не признать, что вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какой-нибудь гуманной или нравственной целью, а являлось как средство загребать жар чужими руками. Горцы в глазах турок и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости» [2. С. 133].

Впервые мысль о выселении горцев из родных мест и колонизации Северного Кавказа казачьим и русским населением была высказана начальником Главного штаба Кавказской армии, генералом Д.А. Милютиним. В своей докладной записке от 1857 г. «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен» он писал, что «покорившихся горцев направлять туда, куда мы им укажем. Необходимо переселять их на Дон, потому что в Ставропольской губернии нет свободных земель, что водворение их в тылу казачьего населения было бы неудобно и отклонило бы нас от главной цели, т.е. развития русского населения на северной покатости Кавказского хребта до решительного перевеса его над живущими там племенами азиатского происхождения. Не обращая там горцев в казаки, нужно устроить из них на Дону особенные поселения вроде колоний. Мы должны тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, пока не наступит пора для исполнения ее» [3].

Развивая дальше эту мысль Д.А. Милютина, главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский предложил применить эту меру главным образом в отношении горцев Северо-Западного Кавказа. Свое предложение он обосновал тем, что «закубанских черкесов трудно привести к покорности», так как этому препятствует «распространяющийся между ними мюридизм, привычка к безначалию и вольность». К тому же эта часть Кавказа «представляет обширное поле для тайных политических происков европейских агентов, которые всегда будут подстрекать черкесов к борьбе с Россией». В заключение А.И. Барятинский писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель» [4].

Вопрос о колонизации адыгских земель обсуждался в Кавказском комитете, который признал пользу и важность предложений А.И. Барятинского, но «усомнился в возможности дать этому делу столь обширные размеры»: во-первых, потому, что «считал опасным крайнее стеснение горцев в поземельном довольствии»; во-вторых, едва ли государство могло выделить для этого «огромные средства». Касаясь вопроса переселения горцев на донские земли, комитет высказал опасения, что эти меры могли привести к отрицательным последствиям — единодушному восстанию горцев против русских: «Глубокая привязанность их к родине известна, а потому нельзя сомневаться, чтобы они не предпочли смерть водворению на степях Донской земли. Не только целые племена, но и одиночные семейства не решатся покориться на таких условиях, и применение предлагаемой меры повело бы не к покорности горцев, а к их

истреблению. Кроме того, эта мера может повлечь за собою общее волнение, и даже восстание самых мирных и преданных нам обществ» [5].

Убедившись на практике, что адыги решительно отказываются принимать покорность с последующим выселением их в русские пределы, высшее кавказское начальство решило избрать более легкий и удобный путь — выселение горцев в Турцию. Как пишет в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, вопрос этот был одним из важнейших, по которому лично докладывал царю А.И. Барятинский в начале 1860 года. Ему удалось убедить петербургские власти в возможности выселения части горцев кавказских в Турцию. «Мера эта, — писал А. Барятинский в отзыве к военному министру, — избавит нас от таких личностей, которые отличаются фанатизмом и вредным для нас влиянием на соплеменников, и ускорит окончание войны, а следовательно, уменьшит издержки, с нею сопряженные» [6].

Историк Р.А. Фадеев откровенно заявлял, что «земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности» [6]. Вместе с тем, выселяя адыгов с родных мест, самодержавие также исходило из военно-стратегических соображений, позволявших решить ряд задач по приобретению дипломатического приоритета и избежать возможных осложнений во время внешних войн. Положение Северо-Западного Кавказа, как заявляло царское командование, требовало «для лучшего селения и совершенного вследствие этого удаления туземцев». В донесении русского консула в Трапезунде прямо говорилось, что «переселяются преимущественно люди богатые и влиятельные из горцев» [7]. Но переселенческое движение еще не носило массового характера. Переселение в Турцию шло под видом паломничества в святые места — Мекку и Медину. Массовый характер приняло переселение прикубанских ногайцев, которых в течение 1858-1859 гг. ушло в Турцию до 30 тысяч [8]. По мере того как все теснее сжималось железное кольцо российских войск вокруг адыгских и других народов Северо-Западного Кавказа, переселенческое движение принимало массовый характер. Но особенно оно приняло громадные размеры тогда, когда непокорные горцы увидели, что царское правительство «твердо решилось занять оставленные ими на плоскости земли казачьими станицами» [9].

Массовое выселение закубанских горцев в Турцию проходило в два этапа: первый — 1861-1862 гг.; второй — в 1863-1864 гг. Первыми, кому пришлось покинуть свои родные места, были бесленеевцы, занимавшие течение реки Хода, где началось с 1861 г. возведение казачьих станиц.

В отношении «...бесленеевцев как самых опасных и вредных из адыгов, дававших всегда отличных вожаков» царские власти считали, что «...им нельзя было оставаться на прежних местах жительства, а потому им было предложено перейти на указанные места или отправиться в Турцию в самый короткий срок». Они внезапно были окружены царскими войсками и выведены силою на Кубань, оттуда 600 семейств отправились под конвоем в Турцию, а остальные 200 семейств поселились на указанных местах на левой стороне Кубани, образовав первое ядро закубанских аулов [10].

В июле 1859 г. русский посланник в Стамбуле А.Б. Лобанов-Ростовский сообщал, что великий визирь Фуад-паша и министр иностранных дел Али-паша в беседе с ним заявили об ограничении свободы переселения кавказских мусульман в Турцию, которое в последнее время «чрезмерно усилилось и об-

ременяет Порту», и чтобы впредь оно не совершалось без предварительного согласия обоих правительств [11].

Когда в 1861 г. абадзехи (одна из адыгских народностей) объявили Н.И. Евдокимову, что царские войска должны остановиться на реке Фарсе, так как дальше горцы их не пустят, то получили такой ответ: «Я требую от абадзехов не мирного соседства, а безусловной покорности; не прекращу наступления до тех пор, пока последний горец не переселится на места, указанные мною». Тогда абадзехи направили депутацию к Александру II, который находился в это время на Кавказе. От имени всего абадзехского народа депутаты заявили царю: «Мы все без изъятия, как-то старцы, жены, юноши и дети убедительно просим Ваше Величество оставить за нами в неприкосновенности все земли». Но ответ царя был еще более резким и категоричным: «Даю вам месячный срок одуматься. Через месяц вы должны объявить графу Евдокимову, желаете ли вы прейти на места, указанные вам по р. Кубани, или же переселяйтесь в Турцию» [12].

Везде и всюду горцы получали один и тот же ответ: либо на Прикубанскую низменность, либо в Турцию. В мае 1862 г. черкесам было объявлено, что они «должны непременно поселиться на указанные им места». В противном случае царским генералам предписывалось «принудить натухайцев к этому силою оружия». Если же они «пожелают удалиться целыми обществами в Турцию, то не только им в этом не препятствовать, но способствовать всеми зависящими средствами всегда и во всякое время» [13].

К концу 1862 г. горцы оказались в кругу казачьих поселений, а в следующем году основная их масса двинулась к побережью Черного моря для переселения в Турцию. В октябре 1863 г. приняли безусловную покорность абадзехи и шапсуги с единственной просьбой: разрешить им остаться на местах, чтобы в следующем году эмигрировать [14].

Уже к весне 1864 года все Закубанье было «очищено» от горцев, которых царские войска под конвоем согнали к Черноморскому побережью. «При переселении горцев в Турцию с мест их жительства, — писало в своих донесениях царское командование, — нужно было принять особые меры, чтобы не заставить разбежаться их по трупам и тем наделить край бездомными людьми, готовыми на всякое хищничество. Необходимо было устроить дело так, чтобы они шли на переселение массами с наименьшими растратами своего имущества и чтобы не доводить их до крайности... войска должны были двигаться облавой и понуждать целые аулы к переселению, давая им кратковременный срок для сбора имущества...» [15].

В результате военного погрома «...горцы упали совершенно духом и не знали, на что решиться» [16]. Основная масса горского крестьянства отказывалась переселяться на места, указанные царскими властями. Они также не желали идти в Турцию, куда их тянули князья, дворяне и старшины. Крестьяне целыми семействами уходили в горы и оттуда продолжали вести борьбу за свою свободу и независимость. Несмотря на то, что царское правительство май 1864 г. считало временем окончательного завершения покорения горцев Северо-Западного Кавказа, полупартизанская борьба здесь продолжалась еще и в 1865 г.

Военно-дипломатические методы колониальной, завоевательной политики самодержавия были одной из главных причин переселения горцев в Тур-

цию. К политическим причинам выселения добавились также причины экономические и религиозные. Как известно, завершающий этап освободительного движения горцев совпал с крестьянской реформой 1861 г., после которой Россия вступила в капиталистическую стадию своего развития. Под влиянием падения крепостного права в России среди горского крестьянства все шире развертывалась борьба за свое освобождение от феодально-крепостнического гнета. Классовые противоречия, как заявляла царская администрация, настолько обострились, что «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения между крестьянами и феодалами» [17].

В свою очередь и Турция направляла на Кавказ многочисленных агентов, которые, опираясь на мусульманское духовенство, обещали горцам на земле единоверных турок на небе рай, а тех, кто не согласится на переселение и останется на родине под властью гяуров-русских, запугивали страшными наказаниями в обоих мирах. Так, в одном из архивных документов говорится, что «появились тайные прокламации, распускаемые духовными лицами, которые приглашали всех правоверных идти в Турцию, где для них устраивается оттоманским правительством самый щедрый прием, и где им будет жить несравненно лучше, чем у русских» [18].

Первыми покидали родину исламизированные князья с челядью и домохладцами. За ними десятки тысяч горцев, бросая имущество, оставляя скот и хлеб, в морозы и в жару пробирались через Кавказский хребет на берег Черного моря, в Анапу, Новороссийск, Туапсе, Сочи и другие пункты, где скапливалось огромное количество переселенцев. Большая часть их была готова покориться русским, лишь бы остаться на родине. Но царские власти на Кавказе стремились как можно быстрее избавиться от беспокойного и вредного, как они называли, горского населения. «Для исполнения общего плана покорения Западного Кавказа, — говорилось в отношении главнокомандующего Кавказской армией к военному министру от 10 ноября 1863 г., — мы должны теперь приступить к очищению прибрежной полосы» [18].

Царское правительство выделило для переселенцев часть черноморской эскадры и коммерческие суда. Оно определило небольшое пособие деньгами и продовольствием. Но все это делалось не ради человеколюбия, а в целях ускорения переселения, так как оно тесно было связано с вопросом об окончательном умиротворении Кавказа. Это откровенно выражено в рескрипте наместника Кавказа М.Н. Романова (А.П. Барятинский ушел в отставку по болезни в конце 1862 г., и его место занял великий князь Михаил Николаевич Романов) на имя военного министра от 26 марта 1864 г., в котором говорилось: «Вопрос о времени окончания войны при настоящих обстоятельствах приводится к тому, во сколько времени успеем мы отправить в Турцию враждебное нам население» [19].

К концу 1864 г. закончилось выселение в Турцию основной массы адыгов Северо-Западного Кавказа. В документах кавказской администрации того времени отмечалось: «В настоящем 1864 г. совершился факт, почти не имевший примера в истории: огромное горское население, обладавшее некогда большим богатством, вооруженное и способное к военному ремеслу, занимавшее обширный Закубанский край от верховьев Кубани и нижнего склона Кавказского хребта, от Суджукской бухты до р. Бзыба, владея самыми неприступными местностями в крае, вдруг исчезает с этой земли. Между ними происходит пе-

реворот поразительный: ни один из горских жителей не остается на прежнем месте жительства, все стремятся очищать край с тем, чтобы уступить его новому русскому населению. Разумеется, такой факт не может быть плодом усилий одного года, — не сразу можно было поднять и выселить из гор неприязненное население, необходимы были для этого подготовительные меры и исподволь приучить их к такому переселению. В противном случае неожиданность такой великой меры могла поставить туземные племена в безвыходное положение и довести их до отчаянного сопротивления» [20].

Чтобы ускорить решение вопроса о переселении горцев и предотвратить препятствия со стороны турецкого правительства, в 1860 г. в Стамбул был командирован генерал-майор граф М.Т. Лорис-Меликов. Было заключено специальное соглашение, разрешавшее переселение горцев в Турцию «не разом, а малыми партиями».

Русскому правительству удалось также получить согласие Порты на расселение горцев подальше от кавказской границы, во внутренние районы Османской империи. В то же время русское правительство опасалось возвращения переселенцев из Турции, поскольку «они проникаются религиозной нетерпимостью и враждебным расположением к России» [20]. Таким образом, русской дипломатии удалось добиться у Порты расселения кавказских мухаджиров в основном во внутренних районах Азиатской Турции. Основная масса переселенцев 1859-1865 гг. была расселена в Сивасском вилайете, на обширном безлесном пространстве между Токатом и Сивасом. Общая численность западных адыгов, переселившихся в Турцию за время с 1858 по 1864 гг., по официальным данным, составляла 398 955 человек, включая и 30 тысяч прикубанских ногайцев. В основном переселение приходится на 1864 г. [21].

Турция, в частности ее военное ведомство, пыталась получить из переселенческих масс горцев «пушечное мясо» для войн с Россией и славянскими государствами. Тем более, у турецкой армии существовал богатый опыт формирования султанской гвардии — корпуса янычар, отличавшегося интернациональным составом.

Надежды турецкого правительства найти в переселенцах новый источник для пополнения регулярной армии не оправдались. Вначале вербовка черкесов шла удачно. «Томимые голодом и лишениями и увлекаемые приманчивыми обещаниями, они являлись толпами, и в продолжение осени 1864 г. более 14 000 из них вступило в ряды регулярной армии. Но вскоре обнаружилась неукротимость горцев и невозможность приучить их к дисциплине и к систематическому порядку казарменной жизни. Смертность между ними была очень велика... побегі приняли такие размеры, что правительство принуждено было отказаться от своего намерения и отпустить их всех» — вспоминали современники [22].

Знакомство широких масс населения с исторической правдой в регионах, где ныне имеют место межнациональные конфликты, позволило бы в значительной степени умерить националистические амбиции, нейтрализовать причины этнического противостояния. Тем более, что судьбу горских мухаджиров (переселенцев) частично разделили сотни тысяч казаков Кубанского и Донского войска, которые зачастую насильственно переселялись на освободившиеся от горцев земли и долгие годы, защищая новые российские рубежи, волей-неволей выполняли роль боевого форпоста империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухаджирство (араб.) – переселение мусульман в исламизированные страны.
2. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа//Русская старина. 1882. – Т. 33. Российский государственный военно-исторический архив (далее –РГВИА), ф. 38, оп. 30//286, св. 866. д. 2, л. 123-124, 126.
3. Там же.
4. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696. ч. 2, л. 272.
5. Архив внешней политики России (далее- АВПР), ф. – СПб. Главн. архив 1 - 9, д. 19, л. 165.
6. Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период //История СССР. –1957. № 1.
7. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, л. 259.
8. РГВИА, ф. 460, д. 8, л. 5.
9. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, л. 260.
10. РГВИА, ф. 450, д. 64, л. 9.
11. РГВИА, ф. 38, оп. 30//286, св. 870, д. 19, л. 9-11.
12. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, л. 271-272.
13. РГВИА, Ф. ВУА. д. 6696. л. 262.
14. Там же, ф. ВУА., д. 6696., л. 267.
15. Там же, л. 261.
16. РГВИА, ф. ВУА. д. 6696. л. 246.
17. Там же, л. 258.
18. РГВИА, ф. 1. оп. 1. д. 26643. л. 1. Там же, ф. 400, д. 8, л. 17.
19. РГВИА, ф. ВУА. д. 6696. л. 253.
20. Русская старина. 1862. – Т. 33. – С. 342.
21. РГВИА, ф. 450, д. 64, л. 10.

T.V. PLATITSYNA

The senior teacher of faculty of public - humanitarian disciplines of the Moscow state pedagogical university it. Sholokhov.

The author in the articles investigates features of process of resettlement Adygei tribes of Northern Caucasus on territory Osmanli Ports under influence of Russian - Turkish political confrontation. In the article the problems connected to positions of Russia, Turkey and the western countries also are considered concerning destiny of the Caucasian population involved in a political opposition on North Caucasian jumping-off place.

To the author it is independently proved, that historical experience of diplomatic interaction with Turkey allowed not only to release territory of Northern Caucasus from mountain tribes hostile to an autocratic politics, but also to achieve a priority in the decision of East question before the western countries leadings struggle for creation and maintenance of the long-term ethnic conflict at southern borders of Russian empire.

Key words: muhajirun, a priority in the decision of East question, North Caucasian base, the Circassian population, mountain tribes, a Russian-Turkish antagonism.